

А. Е. Куланов

В предыдущем номере ежегодника «Япония» мы познакомились с историями некоторых русских выпускников токийской православной семинарии¹. Не будет преувеличением сказать, что вообще интересом к данному вопросу мы обязаны фигуре одного из бывших семинаристов – Василия Сергеевича Ощепкова. Один из первых русских японистов, первый пропагандист японских боевых искусств в России и военный разведчик – предшественник Рихарда Зорге, он давно привлекал к себе внимание историков борьбы и спецслужб. Но, несмотря на то, что имя Василия Ощепкова слышали многие отечественные спортсмены, как японоведа он был до сих пор практически неизвестен, а его тайная жизнь настолько «овевна легендами», что возникла настоятельная необходимость выяснить, кем же на самом деле был этот «православный ниндзя», как его именуют сегодня в некоторых СМИ, и что сделал этот человек для нашей страны.

Василий Ощепков родился 25 декабря 1892 г. (по старому стилю) в поселке Александровский пост (ныне г. Александровск) на северо-западе Сахалина. Поселок в ту пору представлял собой каторжную тюрьму, вокруг которой выросла, выражаясь современным языком, сопутствующая инфраструктура – дома и казармы ссыльнопоселенцев, охраны, мастерские, бани, почтовая станция. Родителями мальчика были каторжанка Мария Ощепкова (1851–1904) и столяр Сергей Плисак (?–1902). В книге побывавшего в те самые годы в Александровске А. П. Чехова «Остров Сахалин» немалое место отведено условиям жизни, в которых росли сахалинские дети. Упоминается, в частности, и о том, что само по себе рождение ребенка в семьях каторжных и ссыльнопоселенцев расценивалось как своеобразное наказание, а пожелание смерти собственному чаду не было большой редкостью среди сахалинских «отверженных». С другой стороны, нельзя отрицать и того, что сами каторжные тоже были людьми с очень разными судьбами. Среди заключенных встречались не только уголовники, но и «политические», нередко передовые, по тем временам, представители своих сословий, да и просто случайные люди, получившие столь суровое наказание за не самые значительные преступления. Социальная и интеллектуальная атмосферы

Сахалина конца позапрошлого века были отнюдь не такими однообразными, как кажется с высот сегодняшних дней. Не случайно именно там – на сахалинской каторге выросли такие известные в будущем люди как исследователь Антарктиды, соратник Роберта Скотта Дмитрий Гирев, чьим именем назван один из пиков ледяного континента, или народоволец и исследователь айну Бронислав Пилсудский. «Каторжное воспитание» почувствовал на себе и Даниил Хармс, чей отец Иван Ювачев – тоже был народовольцем, каторжанином, писателем, кстати, близко знавшим родителей Трофима Юркевича – близкого друга Васи Ощепкова. Так что не каждому родившемуся за «краем земли» была уготована скорбная участь – Сахалин знал примеры успеха. Судя по всему, юный Василий попал именно в такое окружение. Есть непроверенные пока сведения о том, что после смерти родителей, их друзьям удалось пристроить мальчика в местное реальное училище. Однако, так или иначе, но судьба будущего японоведа круто изменилась после русско-японской войны 1904–1905 гг. Как известно, по ее результатам новая государственная граница пролегла буквально перед домами сахалинцев, а в России как раз в это время были приложены определенные усилия по осознанию причин военных неудач.

Как известно, одной из главных причин была признана крайне слабо поставленная деятельность контрразведки и разведки, в том числе отсутствие квалифицированных кадров со знанием японского языка. Для исправления сложившейся ситуации специалист по тайным операциям капитан Генерального штаба И. В. Сверчевский предложил как можно скорее создать «школу разведчиков Приамурского военного округа», именуемую «Восточной коммерческой школой», состоящей: «а) из детского сада, в котором воспитываются сироты-мальчики как китайские, так и русские от 5 до 10 лет; б) собственно училища, состоящего из 7 общих и 1 специального классов»². Становление будущих разведчиков должно было осуществляться на основе составленного И. Сверчевским «Особого нравственного уклада», во главу угла которого ставилось «Соответствующее воспитание в духе **исключительного** (выделено в документе – А.К.) признания интересов своей нации и готовности применить **все средства** к достижению наибольшей выгоды своему отечеству...»³.

Разумеется, реализовать этот амбициозный проект в полном объеме не удалось, как обычно, по причине отсутствия финансирования, но идея подготовки разведчиков с детства и в стане вероятного противника была столь очевидно хороша, что все же нашла свое воплощение. С. И. Кузнецов из Иркутского государственного университета, разби-

¹ Куланов А. Е. Русские семинаристы в Токио: учеба и судьбы // Япония. Ежегодник 2011, М., 2011, с. 222–237.

² РГВИА. Ф. ВУА. Д. 29080. Л.6–11, цит. по: Алексеев М. Военная разведка России от Юрия до Николая II. Кн.2, М., 1998, с. 210–212.

³ Там же.

рая дела разведывательного отдела Заамурского округа отдельного корпуса пограничной стражи (г. Харбин), обнаружил переводы нескольких статей из японских газет о русских учениках православной семинарии в Токио с приложением вот такой сопроводительной записки: «Принимая во внимание острую нужду в русских людях, владеющих местными языками и, в особенности, японским, начальник Заамурского Округа (г. Харбин) по собственной инициативе, выслал в конце 1906 года 8 русских мальчиков в Токио в православную миссию. Плата за обучение этих мальчиков так баснословно дешева, что отказаться от этой командировки положительно было невозможно, тем более, что впредь таких выгодных условий не представится. Дешевизна объясняется тем особым усердием Архиепископа Японского высокопреосвященного Николая, прийти на помощь русским в деле ознакомления с Японией и японцами»⁴.

Юный Василий Ощепков не вошел в состав этой восьмерки. Он появился в Токио позже, вероятно, в августе 1907 г. В учебе Ощепков показал себя с лучшей стороны. В его «Свидетельстве об окончании Семинарии», выданном 23 июня 1913 г., сплошь хорошие и отличные оценки, а среди 16 предметов 11, если так можно выразиться, «японистических», таких как «перевод японских газет» или «чтение японских писем»⁵. Не будет преувеличением сказать, что он стал одним из первых отечественных японоведов-практиков, получивших к тому же отличную лингвистическую подготовку непосредственно в Японии. Но все же в историю Василию Ощепкову суждено было войти в ином качестве.

Известно, что при Семинарии существовала школа дзюдо. Архиепископ Николай строил педагогический процесс по принятой в Японии того времени схеме, а занятия дзюдо, как основа физической подготовки, входили в обязательную программу японских школ. Логично предположить, что в Семинарии эти занятия проводил один из инструкторов Кодокан – главного дзюдоистского додзё, так как и авторитет православной школы в качестве учебного заведения был велик, и находилась миссия не так уж далеко от штаб-квартиры дзюдо, да и других школ дзюдо попросту почти не было. Видимо, Василий Ощепков показал определенную склонность к борьбе, так как 29 октября 1911 г. он был приглашен для обучения в *alma-mater* дзюдо – Кодокан, а 15 июня 1913 г., за неделю до выпуска из Семинарии, стал первым русским и четвертым европейцем, получившим начальную мастерскую степень – 1-й дан по Кодокан дзюдо. Позже, 4 октября 1917 г., будучи, видимо, в командировке в Японии, Ощепков сдал экзамен и на более высокий 2-й дан.

Цели и задачи командировки В. С. Ощепкова в Японию в 1917 г. нам неизвестны – после окончания семинарии и до октябрьского пере-

ворота в России он служил в контрразведке в Хабаровске, Харбине и Владивостоке. В архивах штабов Приамурского и Заамурского округов, Владивостокской крепости должны храниться еще немало документов, способных пролить свет на деятельность «унтер-офицера контрразведочного отделения» Василия Ощепкова. Зато точно известно, что все это время он продолжал заниматься дзюдо – и как борец, и как тренер, и как пропагандист. В 1915 г. спортивный журнал «Геркулес», выходивший в Петрограде, писал о новостях из Владивостока: «Правление [местного спортивного] Общества, воспользовавшись пребыванием в городе специалиста японской борьбы джиу-джитсу г. Ощепкова, пригласило его в качестве преподавателя. Интерес к этой борьбе возрастает среди спортсменов, и они с увлечением принимаются за изучение одного из самых распространенных видов спорта в Японии»⁶. Ощепков просьбу спортивного общества удовлетворил и до 1920 г. руководил действовавшим во Владивостоке кружком дзюдо. Тогда же, 4 июля 1917 г. он провел в этом городе первые в мировой истории международные соревнования по дзюдо, пригласив для этого в Россию дзюдоистов из Коммерческого училища г. Отару (Хоккайдо).

Более того, историку борьбы и биографу В. С. Ощепкова А. М. Горбылеву удалось разыскать уникальное свидетельство занятий нашим героем любимой борьбой в самых необычных условиях. 23 февраля 1918 г. выходившая во Владивостоке газета «Урадзю ниппо» («Ежедневная владивостокская газета») сообщала: «Под эгидой владивостокского общества спорта пройдут соревнования по дзюдо и боксу. Соревнования начнутся сегодня в 3 часа пополудни. Спортсмены – храбрецы с японских и английских военных кораблей». В тот же день командующий 5-й японской эскадрой, стоявшей в бухте Золотой Рог прямо напротив здания общества «Спорт», контр-адмирал и дзюдоист Като Хирохару (1870–1939), записал в своем дневнике: «Смотрел дзюдо в [обществе] «Спорт». Василий великолепен! Заставил меня продемонстрировать вместе с ним парное *ката*»⁷. А на следующий день адмирал написал в дневнике: «Приходил Василий, 2-й дан [дзюдо]»⁸. Интересно, что приходил Ощепков к японскому флотоводцу не куда-нибудь, а на флагманский корабль, и контр-адмирал Като лично показывал ему гордость своей эскадры!

Это тем более интересно, что после революции Ощепков оказывается на службе у адмирала Колчака – как переводчик востребованного тогда японского языка. Одновременно он выполняет эту же функцию и

⁴ <http://russia-japan.nm.ru/kuznetsov03/htm>

⁵ Свидетельство об окончании семинарии // Додзё. 2005, № 4, с. 17.

⁶ Японское будо в российской прессе начала 20-го века // Додзё. 2005, №5 с. 13.

⁷ Дзоку. Гэндай си сирё («Источники по новейшей истории. Продолжение»), т. 5. Кайгун. Като Хирохару никки (Военно-морской флот. Дневники Като Хирохару). Токио, 1994, с.5. Цит. по сообщению А. М. Горбылева.

⁸ Там же.

в Управлении военно-полевых сообщений японского экспедиционного корпуса, расквартированного во Владивостоке. Ощепков открывает школу японского языка и пытается заработать денег – участвует в торговых операциях с Японией, покупает кинопроектор. Должность, образование и активность молодого сахалинца привлекают внимание красного подполья: есть сведения, что его представители с 1920 г. наладили сотрудничество с Ощепковым. Неудивительно, что русский, имевший право подняться на флагман японской эскадры, не мог не обратить на себя внимание всех существовавших в то время в Приморье спецслужб. В 1921 г., уехав из Владивостока на родной остров, чтобы показывать там кино местным жителям и японским солдатам, занявшим в 1920 г. весь Сахалин, Василий Ощепков становится секретным сотрудником советской военной разведки – агентом «ДД».

В центре внимания Ощепкова оказались японские гарнизоны в северной части Сахалина. Свободно владеющий японским языком, имевший опыт жизни в Токио, Василий Сергеевич легко сходилась с японскими офицерами, а для солдат во время киносеансов был переводчиком, растолковывая им содержание показываемых кинокартин по большей части европейских и американских. Донесения Ощепкова о Сахалина обширны, но точны и детальны. В них есть информация о дислокации и вооружении воинских частей: «В г. Александровске: Две роты пехоты – 4-я и 3-я численностью около 400 человек при 8 пулеметах системы «Гочкиса» без щитов и легкого типа (ружейного обрезания) с прикладом, при каждом пулемете 4 номера прислуги. Казармы расположены в центре города (фот. №40). 5 орудий 3 калибра, дальность стрельбы 7 ½ версты (в настоящее время стоят в артиллерийском складе без употребления). Никаких укреплений нет. Кавалерии нет»; о важных экономических объектах: каменноугольный рудник Ф. Е. М. Петровского. Работал зиму 1922 г. Продажа исключительно частная и на электрическую станцию. Цена угля с доставкой 16 йен тонна. Рудник расположен в 6 верстах от города»; и подробнейшая информация о крупных военных чинах: биография, родственные и карьерные связи, послужные списки, личные качества и фотографии японских генералов, служащих на Сахалине⁹.

Несведущему человеку трудно сегодня оценить важность и качественный уровень передававшейся В. С. Ощепковым информации, поэтому я обратился за комментариями к нашим действующим военным разведчикам и вот какой ответ был получен от них: «Имеющиеся в нашем распоряжении материалы являются фрагментом информационно-аналитического справочного документа, по сути, представляющего собой аналог раздела современной разведывательной сводки по военно-поли-

тической обстановке, составу и дислокации сил и средств вероятного противника в отдельно взятом регионе. Документ ...написан четким и лаконичным языком без излишней детализации, что наиболее характерно для документов, предназначенных для доклада руководству оперативно-тактического звена управления и выше.

Учитывая, что в тот исторический период, которым датируется данный документ, органы военной разведки РККА находились в стадии формирования, а структура табельных разведывательных документов только разрабатывалась, есть основания полагать, что в его основе были использованы шаблоны старых документов Генерального Штаба царской армии. **Отдельно следует отметить характер изложения материала, отличающийся высоким, даже с позиции сегодняшнего дня, уровнем военной, политической и экономической грамотности (выделено мной – А. К.).** Принимая во внимание общий уровень подготовки сотрудников РККА того времени, можно также предположить, что человек, непосредственно исполнявший (сводивший) документ, имел специальную информационно-аналитическую подготовку и, вероятнее всего, являлся кадровым сотрудником органов военной разведки еще дореволюционного периода.

Изложенные в документе сведения представляют собой обобщенную и структурированную информацию, которая была получена из различных источников: агентурных, в том числе и документальных, непосредственного наблюдения, опроса местных жителей, анализа данных из средств массовой и экономической (биржевой) информации. Наряду с информацией сугубо военного характера (состав, основное вооружение и дислокация частей и подразделений) в документе содержатся сведения об органах военно-административного управления, состоянии ключевых элементов инфраструктуры, в числе которых указаны объекты разработки нефтяных месторождений, районы проведения и результаты геологоразведочных работ в северо-восточной части острова Сахалин. В материалах присутствуют ссылки на фотографии и карты. Учитывая наличие на оккупированной территории определенного режима и ограничений на перемещение (упоминание об этом также имеется в тексте) фотографирование объектов и сбор сведений для нанесения обстановки на карту должны были потребовать значительного времени и сил...»¹⁰.

Полнота поставляемых сведений, судя по всему, удовлетворила и тогдашнее начальство агента «ДД», и оно приказывает ему перебраться на давно уже японский Южный Сахалин. Ощепков отказывается, но предлагает взамен другую командировку – в Токио, откуда он уехал всего 6 лет назад, где ему многое и многие знакомы.

После некоторого размышления начальники Василия Сергеевича согласились с доводами своего агента, и в октябре 1924 г. Ощепков

9 Копия личного дела «Секретного агента Развед. Отдела Штаба Сибир. Воен. Округа тов. «Монаха» (Ощепкова Василия Сергеевича)». с. 4–9 // архив автора.

10 Указанный документ получен на условиях анонимности источника.

оказывается в столице «Русского Китая» – Харбине. Там он живет у своего однокашника по семинарии Исидора Незнайко – лучшего, по мнению профессора Д. М. Позднеева, знатока японского языка на КВЖД, и знакомится со своей землячкой Марией. Немедленно зарегистрировав с ней брак, Ощепков отправляется через Шанхай в столицу уже «Русской Японии» – Кобэ, куда и прибывает 24 ноября. Место прибытия и начала жизни Ощепковых в Японии было выбрано, если даже и неосознанно, то очень удачно. После Великого землетрясения Канто 1 сентября 1923 г. Кобэ стал точкой сосредоточения большинства иностранных диаспор Японии. Крупнейший порт этой страны сумел растворить в себе и сделать востребованным довольно большое для Японии количество иностранцев. Только русских, по оценке исследователя по изучению русской диаспоры в Японии профессора П. Э. Подалко, там проживало более 300 человек – необыкновенно много для такой закрытой страны, как Япония 1920-х годов. В Кобэ до сих пор сохранились остатки «русского квартала» в престижном районе Китано, недалеко от которого, в квартале Накаяматэ, Ощепковы прожили около 7–8 месяцев – до середины лета 1925 г., пока не перебрались в Токио.

За это время Василий Сергеевич сумел полностью легализоваться в этой стране, получить надежные документы и предложение стать официальным представителем германской кинокомпании «Вести». Переезд в Токио был необходим: разведывательные возможности в Кобэ вряд ли могли удовлетворить Центр – ничего особенно ценного эмигранты сообщить не могли. Столица же сулила новые перспективы, и, перебравшись туда, Ощепков постарался доказать, что ожидания могут быть оправданы. Предварительно он составил план работы в японской столице:

«1). Прежде всего, установить, в каких учреждениях служат учившиеся со мной в японской школе японцы.

2). Найти подходящую квартиру вблизи расположения какого-либо полка.

3). Записаться членом спортивного клуба «Дзю-дзюцу» в районе расположения полка.

4). Завязать знакомства с теми студентами, в семье которых имеется кто-нибудь из военных.

5). Завязать знакомство с фотографом, выполняющим работу для полка.

6). В случае необходимости поручить жене открыть курсы русского языка.

7). Установить время и место регулярного свидания с сотрудником Чепчиным (японец К.).

8). Наладить связь с Плешаковым, который служил в Центросоюзе в Хакодате, через которого была единственная возможность сдавать материалы для отправки во Владивосток или Харбин.

9). Познакомиться с русскими служащими в интересных для меня учреждениях.

10). Чаще встречаться с товарищем по школе Сазоновым, который являлся правой рукой атамана Семенова, и через него познакомиться с лицами из политических и военных кругов Японии»¹¹.

Резидент «Монах» сумел выполнить почти все намеченное, в том числе и те пункты, в которых прослеживается его опыт службы в контрразведке – расселение вблизи воинских частей и дружба с фотографами были излюбленными методами работы японской разведки в России. Ощепков снял квартиру в очень удачном месте – перед казармами 3-го Адабского пехотного полка (сейчас на этом месте стоит *Синбидзюукан* – Новый музей изобразительных искусств), а подходящее фотоателье с говорливым фотографом нашлось неподалеку – напротив казарм 1-го Адабского полка (не так давно на их месте построен торговый центр *Мидтаун*). По иронии судьбы восемь лет спустя в пяти минутах ходьбы от этого места поселится преемник Ощепкова – агент 4-го управления РККА Рихард Зорге...

Помимо «сотрудника Чепчина» – однокашника Ощепкова по семинарии, ставшего преподавателем одного из Токийских военных училищ и давшего согласие работать на русских, Василий Сергеевич установил связь еще с несколькими бывшими семинаристами, занявшими интересные для разведки посты. Владимир Плешаков – «Митрич», работавший на советскую разведку с 1923 г., также оказал помощь старому другу, нашелся и «русский служащий в интересном учреждении» – в компании «Мицубиси». Удалось наладить отношения с адъютантом атамана Семенова Степаном Сазоновым. Атаман в это время лихорадочно искал новые источники финансирования и доступа к военной власти. Судя по всему, руководство советских спецслужб решило сыграть на этом, выманив «русского хунхуза» в СССР, и, возможно, Ощепкову с Сазоновым отводились в этой игре важные роли. В частности, профессор университета Такусёку В. Э. Молодяков обращает наше внимание на следующий любопытный эпизод токийской карьеры советского дипломата-невозвращенца Г. З. Беседовского, служившего в начале 1926 г. Временным поверенным в делах СССР в Японии:

«Сверчевский (*резидент ОГПУ в Токио – А. К.*) заявил мне, что ему удалось вступить в контакт с атаманом Семеновым через одного из его адъютантов. Этот адъютант явился к Сверчевскому и заявил, что атаман склонен начать тайные переговоры с советским правительством о возвращении в СССР. Но он, Семенов, не хочет возвратиться просто как амнистированный преступник. Он желает возвратиться как герой...

Мне эта история очень не понравилась. Прежде всего, было трудно, почти невозможно, установить личное отношение Семенова к “перевос-

¹¹ Алексеев М. «Монах» с черным поясом // Родина. 1997, №8, с. 67.

ротам"... Между тем, из японских кругов до меня стали доходить сведения, что семеновское окружение пускает слухи среди японских промышленников и торговцев, что скоро предстоит сближение Семенова с советским правительством, и что Семенов сможет тогда, благодаря своему влиянию, выхлопотать богатейшие концессии для японских предпринимателей на советской территории. Пока же под эти концессии семеновские адъютанты получают авансы у легковых японцев, до сих пор не разбирающихся в сложной для них обстановке политической борьбы на Дальнем Востоке... Переговоры Сверчевского с Семеновым были прекращены»¹².

Нашим разведчикам казалось, что советская тайная служба в Японии разворачивает сеть, которая принесет в скором времени долгожданный богатый улов. Однако такие «дипломаты» как Беседовский и крупные «специалисты» рабоче-крестьянского шпионажа, руководившие Ощепковым, то присылавшие ему бутылки с вылившейся по дороге жидкостью для тайнописи, то вдребезги пьяного курьера, оставались недовольны. Два начальника из разведки – Бабичев и Заколоткин обвинили Василия Сергеевича в плохой работе, нецелевом расходовании бюджетных средств и предложили вернуться в Советский Союз, чтобы... пройти разведывательную подготовку. Ощепков недоумевал («Ведь должна быть груда ценных материалов, **если они переведены на русский язык**» (выделено мной – А. К.)¹³, но военно-бюрократическая машина работала безотказно: 15 апреля 1926 г. первый нелегальный резидент советской военной разведки в Японии был назначен переводчиком разведывательного отдела штаба Сибирского военного округа.

Фактически, Ощепков навсегда покинул Японию, чтобы самому переводить те секретные материалы, которые перед этим он сам же отправлял в Центр из Токио. По воле начальства покинул настолько спешно, что страдавшая от чахотки жена была оставлена в Токио и добиралась на родину сама. Спустя всего полтора года новый, сменивший Заколоткина, начальник разведки округа докладывал в Москву: «Я хочу выразить глубокое возмущение по поводу снятия с работы Ощепкова, этот факт не лезет ни в какие ворота... Я глубоко убежден, что если бы в свое время было дано надлежащее руководство, он во сто крат окупил бы затраты на него... Это тип, которого нам едва ли придется иметь когда-либо... Я полагаю, что если бы вы дали нам Ощепкова сейчас, мы сделали бы из него работника такого, о котором, может быть, не позволяем себе и думать»¹⁴.

Ощепкова в разведку больше не «дали», да это было бы и бессмысленно, ибо объяснить в Токио столь долгое присутствие в Советском

Союзе и последовавшее за этим «чудесное возвращение» в Японию все равно не удалось бы. В 1927 г. Василий Сергеевич переехал в Новосибирск, где тогда был расквартирован штаб округа, и продолжил службу переводчиком. Как всегда, он немедленно приступил к пропаганде своего любимого дзюдо, но не среди любителей-спортсменов, как делал это в дореволюционном Владивостоке, а среди военных. В этом решении видны и опыт жизни в столь же милитаризованной Японии, и профессиональная принадлежность.

В окружной газете появляется большая статья «Джиу-Джицу» в Новосибирске: «На собрании ячейки ОСО при штабе СибВО состоялся интересный доклад тов. Ощепкова о японской самозащите – “Джиу-Джицу” и был показан ряд ее приемов...». Кстати, как японист, Василий Сергеевич дает лингвистический комментарий: «Слово “Джиу-Джицу” или вернее “Дзюу-Дзюцу” (в Японии говорят “Дзюу Доо”) в переводе на русский язык означает «искусство ловкости-гибкости»... Ощепков настаивает на введении преподавания дзюдо в армии, мотивируя это тем, что «Джиу-Джицу» преподают уже в войсках Англии, Франции и Америки.

Понятно, что в Новосибирске принятие столь глобальных решений было невозможно, но интересно, что сразу после доклада Ощепкова в городе создаются две группы по изучению дзюдо – мужская и женская, а Василий Сергеевич устраивает шоу: «В целях популяризации самозащиты японской системы “Джиу-Джицу”, тов. Ощепков предполагает выступать в местном цирке, где он продемонстрирует приемы “Джиу-Джицу” и устроит показательное соревнование, выпустив против себя 5–10 нападающих»¹⁵. О докладе Ощепкова пишут и другие газеты, его цитируют и ждут новых выступлений. В это время умирает от чахотки его жена. Похоронив супругу, он в отчаянии обращается к своим московским друзьям помочь ему выбраться из Сибири.

В октябре 1929 г. мечта Василия Сергеевича сбылась – он в Москве. Более того, он востребован Инспекцией физической подготовки РККА для участия в разработке нового наставления по рукопашному бою как обязательной части физической подготовки красноармейцев, и сразу назначается на должность инструктора дзюдо в Центральный Дом Красной Армии (ЦДРА) и преподавателя дзюдо в Государственный центральный институт физической культуры имени Сталина (ГЦИФК). Наконец, вскоре после переезда в Москву, он знакомится с молодой вдовой, вернувшейся после смерти мужа из Казани – Анной Казем-бек, и через некоторое время Василий и Анна начинают жить вместе.

Ощепковский стиль в пропаганде дзюдо к тому времени уже полностью сложился: Василий Сергеевич начинал прививать любовь к японской борьбе сразу же, в любой точке страны и вне зависимости от

12 Беседовский Г. З. На путях к Термидору. М., 1997, с. 187–188.

13 Алексеев М. «Монах» с черным поясом // Родина. 1997, №8, с. 69.

14 Там же.

15 Японское будо в российской прессе начала 20-го века // Додзё. 2005, №3, с. 13.

должности, которую занимал. Он только-только прибыл в столицу, как уже декабрьский номер «Физкультуры и спорта» пишет об открытии в ЦДКА группы дзюдо: «В программу занятий войдут: 1) броски, рычаги, удары руками и ногами и удушения; 2) приемы самозащиты невооруженного против вооруженного винтовкой, револьвером, саблей, ножом или другим холодным оружием ближнего боя; 3) приемы схватки двух невооруженных. За основу будет принята японская система самозащиты “дзюдо”, как наиболее проработанная, а главное, представляющая собой уже готовый комплекс различных приемов самозащиты... курсами будет руководить инструктор т. Ощепков, окончивший институт “Кодокан-дзю-до” в Японии (в Токио)»¹⁶. Став штатным преподавателем ГЦИФКа, Василий Сергеевич «пробивает» дзюдо как обязательную дисциплину для всех студентов. Автору посчастливилось застать в живых некоторых из них, и они, уже почти столетние старики, с восхищением вспоминали, как восемьдесят лет назад бегали на занятия к Ощепкову, и как «самый интеллигентный из всех преподавателей» легко выдергивал их из борцовского ковра¹⁷. В институте разрабатывают легендарный физкультурный комплекс «Готов к труду и обороне». Японист Ощепков, зная, что в Японии такой уже есть, добивается введения в ГТО приемов самозащиты и обезоруживания.

Работавший в 1930–1933 гг. в Москве посол Японии, бывший дзюдоист и будущий военный преступник категории «А» Хирота Коки писал в журнал «Дзюдо» в мае 1932 г.:

«1. Районы распространения дзюдо.

В последние два года дзюдо распространяется главным образом в городе Москва. Кроме того, организуются командировки для преподавания дзюдо в город Ленинград и в другие места. Однако какой-либо единой организации дзюдо не существует.

2. Положение с распространением дзюдо в Москве, столице [СССР]

А. Дзюдо в ассоциации физической культуры

В рамках секции дзюдо проводятся курсы под руководством обладателя 2-го дана Кодокан Василия Ощепкова.

Стандартная продолжительность курсов – 30 часов. Как сообщают, число занимающихся на таких курсах (в основном это учащиеся) достигает 300 человек за год. Кроме того, в секции дзюдо с позиций медицинской науки проводятся исследования влияния занятий дзюдо на здоровье человека.

¹⁶ Физкультура и спорт. 1929, . №12, с. 17.

¹⁷ «Будокан». 2005. №1, с. 8–9, «Додзё». 2005, №3, с. 18–19.

Б. Школа милиции

Курсы по дзюдо проводит также означенный выше Василий Ощепков. Как сообщают, число занимающихся на 30-часовых курсах достигает 300 человек за год. Главная цель проведения курсов заключается в обучении сотрудников милиции приемам самозащиты.

В. Дом Красной армии

Курсы по дзюдо проводит также означенный выше Василий Ощепков. Как сообщают, число занимающихся на 30-часовых курсах достигает около 30 человек за год.

Г. Спортивная секция «Динамо», работающая под управлением ГПУ

Проводятся курсы под руководством некоего Спиридонова, число слушателей курсов неизвестно»¹⁸.

Ограниченный в изучении дзюдо, вынужденный вариться в собственном «советском» соку, лишенный возможности общения с иностранными инструкторами и спортсменами, но обладающий обширными знаниями, личным опытом и талантом аналитика, Ощепков вносит в родное ему Кодокан дзюдо одно изменение за другим. Доцент Кафедры истории и культуры Японии ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова А. М. Горбылев весьма подробно и обоснованно с точки зрения теории и практики борьбы восстанавливает сейчас картину создания особого вида дзюдо – «по Ощепкову». В данной статье я укажу лишь некоторые, наиболее простые и понятные внешне элементы новой борьбы, исходя из своих личных наблюдений. Так, например, в СССР нет татами, и Ощепков заменяет его борцовским ковром. От этого сразу же меняется стойка спортсменов, становится ниже, больше напоминая позицию цирковых борцов, и увеличивается количество приемов в партере. Об ковер ломаются пальцы ног, и Ощепков вводит специальную обувь – борцовки, тем более что многих студентов – недавних крестьян, лучше было обувь, чем разуть – из чисто эстетических соображений. Не прижилась и японская форма – *кэйкоги*. Белые штаны рабоче-крестьянским студентам слишком напоминали кальсоны, и Ощепков начинает бороться в спортивных трусах и в белой куртке. Со временем куртка становится приталенной, как гимнастерка, а пояс вшивается в специальные проймы – складывается внешний вид того, что после войны назовут словом «самбо». Пока же новое единоборство называют в учебном плане на 1934/35 гг. «борьбой вольного стиля (дзю-до)». Кстати, тогда же – в 1934 г., Ощепков открывает первую спортивную секцию по дзюдо в Москве – в обществе «Крылья Советов», и через несколько месяцев ее аналоги появляются в Ленинграде, Харькове, Владивостоке. В марте 1935 г. прошел первый чемпионат СССР по борьбе вольного стиля (дзюдо), а в 1937 г. Василий Сергеевич еще успел создать и Всесоюзную федерацию этого вида единоборств, начал

¹⁸ Кодокан бункакай. 1932, № 5 (май), с. 11–12. (По сообщению А. М. Горбылева).

писать книгу, подготовил большую статью о необходимости преподавания дзюдо в армии, но упоминания о Японии в его статьях и выступлениях звучат все реже по мере того, как меняется общая тональность политического имиджа этой страны в СССР¹⁹.

Если в 1929 г. журнал «Физкультура и Спорт» писал о дзюдо с явным уважением, то в 1936 г. его точка зрения изменилась до неузнаваемости: «Что такое дзюдо? Родина воинствующего фашизма, страна реакции, террора и интервенции – Япония имеет систему физического воспитания, предназначенную исполнять классовые заказы японских империалистов. Эта система носит название дзюдо»²⁰. Всего двумя годами раньше Ощепков без опасения, хотя и придерживаясь советской стилистики, рассказывал о дзюдо и своей квалификации в нем: «Дзюдо – это система физического воспитания, сложившаяся в Японии более 50 лет тому назад, представляет собой как бы квинтэссенцию из весьма разнообразных и многочисленных систем самозащиты, каковыми были дзюу-дзюцу, тэнзинсиньорю, киторю и другие... Современную систему дзюдо я изучил в Японии в Центральном Институте Кодокан-дзюдо в Токио, который закончил в 1913 г. в звании мастера 2-й ступени, пробыв в названном институте около пяти лет... Японский империализм, стремясь к оснащению своей армии передовой техникой, придает огромное значение дзюдо, которая вооружает ее личный состав приемами ловкости, гибкости, умения нападать и защищаться не только с оружием, но и без оружия. Для бойцов и командиров Рабоче-Крестьянской Красной Армии освоение приемов искусства дзюдо должно стать боевой задачей дня, ибо Красная Армия, защищающая границы единственного в мире государства трудящихся, не может отставать от возможных врагов своих ни в технической вооруженности, ни в физической подготовленности»²¹. В условиях начинавшегося Большого террора эти слова звучали приговором.

Впрочем, вся жизнь Василия Ощепкова выглядела исполнением какого-то странного приговора. Родившийся и выживший на сахалинской каторге – там, куда отправляли умирать, он попал в Японию – под крыло святого Николая Японского, и стал учеником самого основателя дзюдо Кано Дзигоро. Потом не раз рисковал жизнью в раздираемом Гражданской войной и бесконечными мятежами Приморье. Согласился стать разведчиком и снова рисковал жизнью на Сахалине, и вновь вернулся в Японию, в очередной раз увеличивая степень этого смертельного риска. Что ждало бы его в Японии, проработай он там, как

Зорге, 7–8 лет? Сегодня сложно об этом судить, но разве знали бы мы сегодня о том же Зорге, если бы его начальство вернуло его через год после начала командировки в Японию, как это произошло с Ощепковым? Точно известно только одно: вернувшись в Советский Союз и отдавая все силы изучению той части японской культуры, которая сейчас получила восторженное признание во всем мире, Василий Сергеевич Ощепков разделил судьбу большинства отечественных японистов.

20 сентября 1937 г. народным комиссаром внутренних дел СССР Н. Ежовым был подписан приказ № 00593 – так называемый “приказ о харбинцах”: «Органами НКВД учтено до 25.000 человек, так называемых «харбинцев» (бывшие служащие Китайско-Восточной железной дороги и реэмигранты из Манчжоу-Го), осевших на железнодорожном транспорте и в промышленности Союза. Учетные агентурно-оперативные материалы показывают, что выехавшие в СССР харбинцы, в подавляющем большинстве, состоят из бывших белых офицеров, полицейских, жандармов, участников различных эмигрантских шпионско-фашистских организаций и т. п. В подавляющем большинстве они являются агентурой японской разведки, которая на протяжении ряда лет направляла их в Советский Союз для террористической, диверсионной и шпионской деятельности»²².

Ощепков был «харбинцем», он прожил в этом городе около двух лет, не раз бывал там, и харбинский след в его биографии прослеживался вполне очевидно. Более того, Ощепков был сотрудником царской контрразведки, в терминологии того времени – «жандармом», он служил в японской армии, у Колчака и, наконец, долго жил в Японии. В довершение всего, в его характеристике в личном деле Разведупра навсегда осталась запись: «По убеждению Ощепков – сменовеховец Устряловского толка»²³. Николай Устрялов – глава колчаковского «агитпропа», идеолог «национал-большевизма» и лояльный к Советской власти служащий КВЖД, по представлениям 1937 г., да и последующих семи десятилетий, был лидером одной из «антисоветских политических партий», связанным к тому же, в силу своего географического нахождения в дальневосточном центре русской белоэмиграции – Харбине, со многими антисоветскими организациями. Одна из критических книг Устрялова стала источником вдохновения для главы Всероссийской фашистской партии К. Родзаевского. Устрялов был расстрелян 14 сентября 1937 г. Так что «сменовеховец Устряловского толка» – это не характеристика, это – приговор.

Из Приказа № 00593:

22 Здесь и далее цит. по тексту официального сайта общества «Мемориал» ([http:// memorial.ktrsk.ru](http://memorial.ktrsk.ru)) публикацию приказа из архива ФСБ РФ подготовили Н. Охотин, Н. Петров.

23 Копия личного дела «Секретного агента Развед. Отдела Штаба Сибир. Воен. Округа тов. «Монаха» (Ощепкова Василия Сергеевича)», с. 43. — Личное собрание автора.

¹⁹ Подробнее об этом: А. Куланов, В. Молодяков. Россия и Япония: имиджевые войны. М., 2006, с. 284–312.

²⁰ Цит. по: Лукашев М. Н. Сотворение самбо: родиться в царской тюрьме, чтобы умереть в сталинской, М., 2003. с. 49.

²¹ Ощепков-Спиридонов: история конфликта // Додзё. 2006, №1, с. 7.

«ПРИКАЗЫВАЮ:

1. С 1-го октября 1937 г. приступить к широкой операции по ликвидации диверсионно-шпионских и террористических кадров харбинцев на транспорте и в промышленности.

2. Аресту подлежат все харбинцы:

б) бывшие белые, реэмигранты, как эмигрировавшие в годы гражданской войны, так и военнотружущие разных белых формирований;

в) бывшие члены антисоветских политических партий (эсеры, меньшевики и др.);

3. Аресты произвести в две очереди:

а) в первую очередь, арестовать всех харбинцев, работающих в НКВД, служащих в Красной армии, на железнодорожном и водном транспорте, в гражданском и воздушном флоте, на военных заводах, в оборонных цехах всех других заводов, в электросиловом хозяйстве всех промпредприятий, на газовых и нефтеперегонных заводах, в химической промышленности;

5. Следствие по делам арестованных харбинцев развернуть с таким расчетом, чтобы в кратчайший срок полностью разоблачить всех участников диверсионно-шпионских и террористических организаций и групп.

6. Всех арестованных харбинцев разбить на две категории:

а) к первой категории – отнести всех харбинцев, изобличенных в диверсионно-шпионской, террористической, вредительской и антисоветской деятельности, которые подлежат расстрелу.

8. После утверждения списков НКВД СССР и прокурором Союза приговор приводить в исполнение – НЕМЕДЛЕННО.

11. Операцию закончить к 25 декабря 1937 года.

12. В отношении семей репрессированных харбинцев руководствоваться моим приказом №00486 от 15 августа 1937 года.

Народный Комиссар Внутренних Дел СССР – Генеральный Комиссар Государственной Безопасности Н. И. ЕЖОВ»

Ордер об аресте Ощепкова был подписан 29 сентября, а сам арест произошел в ночь с 1 на 2 октября 1937 г. Одновременно с Василием Сергеевичем были схвачены такие корифеи отечественного японоведения, как профессор Д.М. Позднеев и Н.А. Невский, много других, менее известных японистов, но, судя по степени организованности «изыятий», давно находившихся в поле зрения НКВД как подлежащие аресту в соответствии с пунктом 3а того самого приказа. Ощепков попал под молот, уничтоживший почти до основания отечественную школу японоведения, но в его следственном деле нет ни одного протокола допроса. Выдающийся спортсмен и тренер давно страдал от стенокардии и не расставался с нитроглицерином. В 46-й камере 7-го коридора Бутырской тюрьмы, куда его доставили после ареста, никаких таблеток, конечно, держать не разрешалось, и в 18 часов 50 минут 10

октября 1937 г. Василий Сергеевич Ощепков скончался от приступа, как тогда говорили, «грудной жабы».

Можно, как ни кощунственно это звучит, порадоваться тому, что Ощепкову удалось избежать пыток и издевательств, предварявших короткую дорогу к расстрельному рву – бывшего посла СССР во Франции Х. Г. Раковского. Под пытками заставили, например, признаться в том, что он «вернулся из Токио, имея в кармане мандат японского шпиона», а сахалинский друг Василия Сергеевича, тоже кадровый разведчик, Трофим Юркевич под пытками «сознался», что это Ощепков завербовал его для работы на японскую разведку – сознался полгода спустя после смерти «вербовщика».

Смерть дзюдоиста не только оборвала возможную ощепковскую нить следствия – в соответствии с п. 5 приказа №00593 можно было не сомневаться, что такую нить лубянские следователи из Ощепкова вытянули бы, как вытягивали практически из всех, кто попадал в «ежовые рукавицы» НКВД, но и спасла его третью жену – Анну Ивановну Ощепкову. В декабре (точная дата не указана) 1937 г., т. е. примерно через два месяца после смерти Василия Сергеевича, старший лейтенант госбезопасности Вольфсон и капитан госбезопасности Сорокин подписали Постановление о прекращении уголовного дела №2641 по обвинению Ощепкова В. С. в шпионской деятельности в пользу Японии, а сержант госбезопасности Воденко сдал (сдала?) его в архив. Прекращение дела означало, что он не попал в утвержденные списки репрессированных, а значит, в другие аналогичные списки не попала и его семья.

Как ни удивительно, но это постановление от 1937 г. работает и сегодня, несмотря на то, что в 1957 г. В.С. Ощепков был полностью реабилитирован, его фамилия не попала в списки репрессированных в годы сталинского террора. Ощепков не значится среди японистов – ни как один из первых практиков и преподавателей японского языка, окончивших Токийскую семинарию, ни как жертва «чисток среди японоведов» (трое его соучеников – Г. Н. Журавлев, В. Д. Плешаков, Т. С. Юркевич в эти списки попали). Японист и разведчик Василий Ощепков как будто исчез. Его помнят только спортсмены, хотя здесь речь может идти скорее о легендарном образе, чем о реальном человеке – проводятся соревнования по дзюдо и самбо памяти Василия Ощепкова, в Подмоскowie есть школа самбо его имени. Зреет движение за канонизацию Ощепкова Русской православной церковью. Печально, однако, что при этом все популярнее становится миф о Василии Сергеевиче, как о «православном ниндзя», а не реальная история живого и очень неординарного человека.